

Чай Цзыжань, ухмыляясь, смотрел на него, закинув ногу на резную белую балюстраду и обнажив множество переплетающихся свежих и старых шрамов. Он ткнул пальцем в один из синяков, уже почерневший до багрового:

— Это он сегодня утром, увидев, как я задираю Лоу Юйцзэ, пнул меня ногой. Вот до чего довёл.

Мо Цзюцзюнь скользнул равнодушным взглядом по его ноге:

— Этот не в счёт.

Его холодное лицо ясно говорило: «Сам виноват», и Чай Цзыжань вдруг вспомнил, что Лоу Юйцзэ — тот, к кому Мо Цзюцзюнь питает особую слабость. Тогда он указал на другой синяк от тонкого прута:

— А вот это три месяца назад, когда Жун Лин, позавидовав моей красоте, при всех ударил меня хлыстом.

Жун Лин, опустивший было голову, не выдержал и поднял её:

— Ничего подобного не было!

Чай Цзыжань презрительно фыркнул:

— Доказательства будут?

Лицо Жун Лина потемнело:

— Нет. Но и у господина Цзыжана нет доказательств, что это сделал я.

Видя его уверенный вид, Чай Цзыжань бесстыдно заявил:

— А кто сказал, что у меня нет? Мой слуга Юань Хан — лучший свидетель. Три месяца назад мы выезжали за столицу кататься. Ты — на осле, я — на коне. Я красив, ты уродлив, ты позавидовал и начал меня поносить. Я, видя твою подлую рожу, не стал придавать значения, но ты осмелился похулить нашего великого господина Цзюцзюня!

Рука Мо Цзюцзюня, державшая чашку, замерла. Чай Цзыжань, воодушевлённый, продолжал ещё увереннее:

— Мой слуга Юань Хан, видя, как ты клеветешь на нашего великого господина, вступил с тобой в праведный спор. А ты, разглядев, что и он тебя красивее, начал роптать на небеса, на землю, на своих родителей и даже пустил в ход кулаки. Но тебе же не справиться! Тогда ты выхватил из рукава ослиный хлыст и хлестнул меня по ноге.

Чай Цзыжань «изобразил» прыжок с ударом, затем отскочил в угол резной балюстрады, жалобно присел на корточки и взвыл:

— Целых три месяца я от этой боли маялся!

Тут же он вытянул свою длинную ногу, чтобы Жун Лин мог вдоволь налюбоваться своим «творением».

Жун Лин скрежетал зубами:

— Врёшь ты всё!

Чай Цзыжань на мгновение передразнил его, скривившись, затем резко поднялся с пола и поклонился Мо Цзюцзюню:

— Я, Чай Цзыжань, говорю сущую правду, ни единой лжи. Прошу господина Цзюцзюня рассудить.

— Ты... ты ты ты... — Жун Лин, видя его наглость, ответил ещё бесстыднее:

— Знаю я, господин Цзыжань, ты на меня за то, что я тебя сейчас осадил, обижаешься. Но клеветать-то негоже!

Чай Цзыжань парировал:

— У меня есть и свидетель, и улика. Сможешь — предъяви своих свидетелей да доказательства. Нет — значит, ты и есть виновник.

— Ты... ты ты ты... — Жун Лин подавился собственной яростью. Чай Цзыжань же, не обращая на него внимания, почтительно сложил руки перед Мо Цзюцзюнем:

— Доказательства у меня есть, а у Жун Лина — нет. Стало быть, прав я. Прошу господина Цзюцзюня вынести решение.

Уголок губ Мо Цзюцзюня дрогнул. Он лишь поднял взгляд на стоящего рядом Суй Фэна. Тот извлёк из-за пояса хлыст из мягкого золота. Хлыст тот был сделан из чёрного железа, закалённого тайным методом с добавлением крови сорока девяти ядовитых змей. Если бы человек, владеющий внутренней силой, ударил им, жертва если бы не искровоспалилась, то наверняка бы умерла от змеиного яда. Суй Фэн почтительно подал хлыст двумя руками:

— Прошу господина Цзыжана совершить казнь.

Жун Лин вытаращил глаза на сверкающую золотом плётку, готовый от потрясения дух испустить, и в панике уставился на Мо Цзюцзюня:

— Господин Цзюцзюнь, я ведь друг господина Юйцзэ!

Выражение лица Мо Цзюцзюня не изменилось. Он лишь сказал Чай Цзыжаню:

— Побей поживее, следующих ещё много.

Чай Цзыжань съёжился. Брать в руки эту, с виду ослепительную, а на деле смертоносную, странную плётку ему совсем не хотелось. Он умильно поглядел на Мо Цзюцзюня:

— А нельзя, чтобы Суй Фэн побил? Я боюсь-боюсь-боюсь.

С этими словами он отступил на большой шаг назад, давая понять, что и вправду напуган.

Суй Фэн почтительно шагнул вперёд и, словно передавая раскалённую картофелину, сунул хлыст из мягкого золота в руки Чай Цзыжаню:

— Хлыст этот не страшен. Особенно в руках человека, лишённого внутренней силы — уж точно своей мощи он не проявит.

Суй Фэн, в белоснежных одеждах, хоть и был телохранителем, носил платье, подобающее молодому аристократу, а на его улыбающемся лице виднелись две ямочки, делавшие его безобидным. Но то была лишь обманчивая оболочка — внутри этот тип был чернее чёрта!

Услышав, что не сможет нанести серьёзного вреда, Чай Цзыжань осмелел — по крайней мере, эта плётка не отравит его раньше, чем Жун Лина. Он зашагал к Жун Лину, на лице играла легкомысленная ухмылка:

— Жун Лин! Ах, Жун Лин! И тебе такое выпало.

Увидев в руках Чай Цзыжана хлыст, извивающийся словно золотая змейка, Жун Лин струхнул, пошатнулся и бросился бежать. Стоявшие позади него стражи, не дожидаясь приказа, подхватили его под мышки, словно цыплёнка.

Чай Цзыжань злорадно усмехнулся:

— Снимите с этого молодца штаны.

Брови Жун Лина, и без того похожие на заячьи, сдвинулись в комок. Он попытался сохранить достоинство:

— Господин Цзыжань, всему есть предел, оставь место для будущей встречи!

— Бха-ха-ха-ха-ха! — расхохотался Чай Цзыжань. — Прости, но я с тобой видеться вообще не намерен.

И, обратившись к стражам, скомандовал:

— Снимайте!

Два стража держали Жун Лина под руки, ещё двое присели у его ног: один прижал бёдра, другой принялся стаскивать штаны. Жун Лин отчаянно вырывался и вопил, но тщетно.

Чай Цзыжань с усмешкой наблюдал за его унижением, испытывая странное, извращённое удовлетворение. Глаза его расширились — вот-вот штаны Жун Лина будут стянуты... Но Мо Цзюцзюнь вдруг произнёс:

— После ударов отпусти.

Стражи, услышав, тут же натянули обратно едва не слетевшие штаны.

Чай Цзыжань нахмурился. Сердце у Мо Цзюцзюня и без того чернее его собственного, почему же сегодня он проявил к этому Жун Лину такую несвойственную милость? В голове мелькнуло: «Я ведь друг господина Юйцзэ». Неужели Лоу Юйцзэ обладает такой притягательностью? Он снова окинул Жун Лина, узколобого и мелочного, оценивающим взглядом. «Жаль, вкус у того никудышный», — подумалось ему.

Лишившись возможности помучить Жун Лина в преддверии экзекуции, Чай Цзыжань, дабы отомстить за клевету, вознамерился отвесить ему несколько ударов длинным хлыстом. Взмахнул — хлыст метнулся вперёд, словно царь змей, едва коснувшись двух торчащих чёрных волосков на голове Жун Лина, да тут же, описав дугу, вернулся и обвился вокруг его собственной шеи, будто жаждающая его задушить. Чай Цзыжань тут же разжал пальцы, стал снимать с шеи хлыст — на белой коже уже проступил свежий розовый рубец. Он закатился на

пол, катаясь и вопя:

— Больно! Больно! Больно-больно-больно! Ой, больно же!

Мо Цзюцзюнь слегка сморщил лоб и посоветовал:

— Можешь свернуть хлыст в кольцо — так бить будешь, а сам не пострадаешь.

Чай Цзыжань замер в своём валянии, приподнялся на локте, подумал:

— Резонно.

И, тыча пальцем в шею, всхлипнул:

— Но я же ранен! Больно же!

Лицо Мо Цзюцзюня оставалось бесстрастным. Хоть он и протащил Чай Цзыжана какое-то расстояние, обращение его нельзя было назвать плохим, но сейчас его взгляд потемнел, и всё терпение, казалось, разом испарилось. Он злобно процедил:

— Если не отхлещешь его, то девяносто девять ударов вернёшь мне.

Чай Цзыжань потрогал своё плечо, до сих пор нывшее от укуса, представил, как его будут кусать девяносто девять раз, и дёрнулся от ужаса. С трудом поднявшись, он наконец-то понял замысел Мо Цзюцзюня — иначе все эти годы он ел рис зря. Мо Цзюцзюнь лишь делал вид, что заступает за него, а на деле заставлял его самого расправиться с обидчиком. Даже простолюдин, получив удар, захочет отплатить, что уж говорить о молодых аристократах, имеющих вес и положение!

Знатный молодой господин, подвергнутый его порке, возненавидит его лютой ненавистью. Если однажды его изобьют — это ещё цветочки. Хуже, если дело дойдёт до властей, а то и до самого императора — тогда не только его жизнь повиснет на волоске, но и вся семья пострадает. А Мо Цзюцзюнь — сын Великой старшей принцессы, родной племянник императора. Кто посмеет на него пожаловаться?

В итоге пострадает лишь один комок грязи по имени Чай Цзыжань.

Чай Цзыжань, обнажив белые зубы, прикусил нижнюю губу и с упрёком изрёк:

— У господина Цзюцзюня жестокое сердце!

В ответ Мо Цзюцзюнь лишь бросил на него леденящий взгляд, словно зимний ветер.

<http://bllate.org/book/15931/1423828>